

Исаева Нина Валентиновна*,
заведующая кафедрой конституционного,
административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
кандидат исторических наук, доцент
(г. Иваново)

ЗНАЧЕНИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Прежде всего, следует оговориться о понимании терминов. Значение предполагает важность, роль чего-либо в жизни человека. Значимость включает, помимо значения, признание смысла и ценности явления, его эмоциональную и интеллектуально-волевою допустимость в определении жизненных целей и стратегий.

Конституция Российской Федерации, принимавшаяся в непростых условиях системного кризиса начала 1990-х гг. представляет собой «итог состоятельности и компромиссов, согласия различных социальных сил общества, документ, сохраняющий и развивающий прежние общечеловеческие ценности, формулирующий и закрепляющий новые»¹. Ее значение как и других современных конституций ученые видят в том, что она является юридическим каркасом общественной системы в стране, основой для юридических взаимосвязей общества, государства, личности и коллектива. В монографии, подготовленной учеными Института государства и права Российской академии наук, читаем: «Подлинная современная конституция – это демократическая конституция по своему содержанию и способам принятия, системный правовой акт, в комплексе закрепляющий основы жизнедеятельности человека, общества и государства, исходящий из учета ценностей как своей цивилизации, так и общепризнанных ценностей человечества»².

Аксиологический подход акцентирует внимание, прежде всего, на ценности самой Конституции РФ, а также ценностях, в ней закрепляемых. В качестве важнейшего достижения действующей Конституции РФ авторы полагают признание и нормативное закрепление основного принципа правового государства – принципа «верховенства права прежде всего как верховенства прав человека», усматривая в «конституционном антропоцентризме» «антипозитивистский» потенциал³.

Размышляя о роли Конституции в России, А. С. Автономов отмечает, что «восприятие Конституции как ценности устоялось в нашей стране уже давно, собственно, этим и объясняется повышенный интерес со стороны общественности и активность различных общественных сил в ходе сложного процесса разработки проекта Конституции в начале 90-х годов XX века»⁴.

* © Исаева Н.В., 2016

Представляется важной позиция тех ученых, которые полагают, что Российская Федерация как правовое государство воплотила в своей Конституции все постулаты концепции господства права: принцип юридического равенства всех перед законом, принцип недопустимости произвола со стороны государства, судебная защита прав человека. «Тем самым, – считает Р.А. Каламкарян, – Rule of Law показало себя фактором жизнедеятельного функционирования страны», позволило обозначить ее место в современном миропорядке⁵.

Не менее важным, по мнению В.Д. Зорькина, является то, что теория и практика отечественного конституционализма постепенно отходят от формально-догматических релятивистских представлений о праве как «чистой» форме, безразличной к содержанию, целям и ценностям, а инструменталистский релятивизм, свойственный юридическому позитивизму, теснит интегративная юриспруденция, включающая в себя «аксиологические и телеологические проблемы права»⁶.

Н.С. Бондарь, размышляя о роли Конституционного Суда РФ в утверждении «реального конституционализма» в России, пишет, что «...Конституция РФ выступает не просто сводом программных целей и благих пожеланий о светлом будущем, а действительно работающим документом»⁷, создающим основу индивидуального и коллективного мировоззрения, свободного развития личности и справедливого общества. При этом к универсальным конституционным ценностям современной демократии он относит «ценности свободы и прав человека, социальной справедливости и равенства всех перед законом, правового социального государства, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма и др.»⁸

Представляются заслуживающими внимания теоретические подходы к проблеме конституционной аксиологии, изложенные в работах В.И. Крусса⁹, полагающего, что в основе единства ценностного мира применительно к праву (юридическая аксиология) должно быть конституционное «форматирование» системы ценностей. Конституционная аксиология разрабатывается названным автором в рамках теории конституционного правопользования. Последнее понимается им как «практическое, соответствующим образом осознаваемое и представленное, предполагающее надлежащую объективную оценку, восприятие и опосредование пользования каждым человеком основными правами и свободами для целей обретения и усвоения тех конституционных благ, которые он сам полагает для себя необходимыми»¹⁰.

Методологически важным в настоящем исследовании представляется учет разрабатываемого В.И. Круссом «концепта конституционного правопонимания», основанного на принятии, как он пишет, «безоговорочной реальности» конституций современного типа, признании их «контекстуально-правогенерирующего характера»¹¹.

Обоснованность разработки концепции конституционного правоупонимания в теории права связывается, прежде всего, с развитием общепризнанных (в глобальном масштабе) прав и свобод человека, которые выступают проявлением и конкретизацией личной свободы как «основополагающей телеологической ценности, обеспечиваемой правовым регулированием»¹². Высказывается мнение, с которым можно согласиться, что в силу своей общеобязательности, то есть «фактически достигнутого транснационального соглашения об их ценности, атрибутивных качествах и значении», – права и свободы человека позволяют утверждать реальность права «как такового», а не правовых представлений или же правовой информации¹³.

В контексте заявленной темы представляется важным акцент ученых на том, что в Конституции РФ «идея равноправия, образующая сердцевину всей системы прав и свобод человека и гражданина, конкретизировала общеправовой принцип формального равенства как «равенства в свободе»»¹⁴. Тем самым создается «возможность конституционного самоопределения (свободы) личности» в конституционно значимой ситуации¹⁵.

Все вышеприведенные позиции позволяют говорить о доктринально признанном значении конституционных ценностей, среди которых основное центральное место занимают права и свободы человека и гражданина. Однако возникает вопрос об их значимости для самих людей, какова градация конституционных ценностей, от чего она зависит применительно к конкретному субъекту, что влияет на выбор конституционных ценностей?

Конституция как нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации, обязывает всех соблюдать конституционные нормы (ч. 1 и 2 ст. 15). Однако насколько безусловным будет соблюдение конституционных норм, зависит от отношения к ней конкретного человека, созвучности ее норм тем правовым идеалам, которые сформированы воспитанием, образованием, социальной, этнической, религиозной и иной средой. Соглашаясь с В.И. Круссом в том, что конституционная аксиология дает «особые и отчетливые ценностные ориентиры и личного самоопределения, и публично-властной (в том числе — правоохранительной) практики»¹⁶, следует также напомнить, что современная российская Конституция вобрала в себя европейские либерально-демократические ценности, которые далеко не во всех положениях разделяются, безусловно, всеми. В этой ситуации очень важно, чтобы «инаковые» ценности не превратились в антиценности, чтобы не сформировался «на индивидуальном уровне ценностный антагонизм»¹⁷, могущий повлечь практическое разрешение в форме противоправных действий, включая преступления.

Очевидно, для этого нужна кропотливая, вдумчивая и очень тонкая просветительская, воспитательная и образовательная работа, в том числе со стороны государства, которое своей деятельностью может корректировать процесс освоения конституционных ценностей. Однако для этого *само го-*

сударство в лице приходящих во власть людей должно демонстрировать безусловное их признание. Как замечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, «требуется коренная трансформация правосознания общества, в том числе практикующих юристов. Сейчас, – замечает он, – Конституционный Суд России сталкивается с теми проблемами, которые перед конституционными судами западноевропейских государств возникли около 30 лет назад: прежде всего, это проблема «конституциализации» правосознания не только рядовых граждан, но и юристов, должностных лиц государства и даже судей других судов»¹⁸.

Однако «конституциализация» правосознания лиц, приходящих во власть, в традиционных рамках требования повышения уровня правосознания и правовой культуры не дает нужных результатов. Ученые-юристы пытаются найти объяснение сложившейся ситуации, а также выход из нее с позиций теории идентичности. Ю.Е. Аврутин, с которым в данной ситуации трудно не согласиться, пишет по этому поводу: «Ключевым вопросом конституционализации правового порядка, от которой зависит реализация конституционной модели взаимодействия человека и государства, является конституционализация публичной власти, всех элементов и процедур публичного управления, понимаемая как процесс интериоризации соответствующими должностными лицами духа и буквы конституционных норм и принципов и реализации их в практической деятельности»¹⁹.

Это позволяет ставить под сомнение, например, мнение федерального судьи из г. Волгограда Е.В. Резникова, который полагает, что только погружение в практику и принадлежность к сообществу практикующих юристов может привести к правовой идентичности. В его понимании это «состояние осознанной включенности в социальную группу, обладающую юридически значимыми признаками»²⁰. Следует заметить, что названный автор смешивает правовую и профессиональную идентичности²¹, поскольку акцент в исследовании феномена идентичности в правовой сфере им сделан на аспекте, фиксирующем внимание на принадлежности группе, а не на содержании отношений человек-право-человек. Овладение знаниями и практическими навыками, позволяющими осуществлять тот или иной вид юридической деятельности, становится более важным, чем принятие права как индивидуальной ценности, сформированной и признанной в опыте социального общения и способной изменить человека на сущностном уровне самопознания, влияющем на правовое поведение²².

Конституционная аксиология не может быть рассмотрена вне конституционной идеологии, «поскольку в конституции любого государства прямо или косвенно присутствуют идеологические начала»²³. В научной литературе присутствуют разные точки зрения на идеологический потенциал Конституции РФ, в частности, в сфере экономических отношений. Несмотря на то, что категория рыночной экономики прямо не закрепляется в Конституции, по мнению Н. А. Богдановой, соответствующий принцип вы-

текает из норм о признании многообразия и равноправия форм собственности (ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 9), а либеральный вариант экономики проявляется в практическом отсутствии норм о государственном участии в экономической жизни общества. Это, полагает она, вступает в противоречие с принципом социального государства. Тем самым «имеет место непоследовательность в идеологических подходах Конституции РФ к закреплению экономических и социальных отношений»²⁴. Можно предположить, что эта непоследовательность была следствием неспособности политических сил, участвующих в разработке Конституции, верно оценить перспективы и риски общественных изменений в России.

По мнению одного из разработчиков теории конституционной экономики Г.А. Гаджиева, амбивалентность конструкции конституционных норм, сочетание частноправовых и публично-правовых начал в «экономической конституции» обусловлена особенностями российской традиции и культуры, основанных «на поиске золотой середины между крайностями индивидуализма и коллективизма, на балансе между публичными и частными интересами»²⁵. Это позволяет формировать «самую разнообразную экономическую политику как основанную на усилении государственного регулирования экономической деятельности, так и базирующуюся на более либеральных экономических воззрениях»²⁶.

Очевидно, в такой ситуации важно, чтобы политика государства была понята участниками экономических и социальных отношений, а принимаемые решения не только законны, но и обладали правовой определенностью. В противном случае «гибкость» конституционно-правовых норм на практике может привести не только к отчуждению личности, общества от власти, но и к отрицанию конституционных ценностей как значимых для формирования личности.

Следует заметить, что социологические исследования выявляют в целом высокий авторитет Конституции РФ у населения. Так, по результатам проведенных в 2007, 2008 гг. в Ивановской области студентами юридического факультета Ивановского государственного университета опросов²⁷ более 500 респондентов в возрасте от 14 до 68 лет, разного социального происхождения, имущественного, образовательного, профессионального положения, конфессиональных предпочтений, свыше 90 % опрошенных выказывают уважительное отношение к действующей Конституции РФ, мотивируя это не только тем, что она закрепляет права и свободы человека и гражданина, но и тем, что она провозглашает правовое демократическое государство. Сфера прав человека рассматривается как безусловная конституционная ценность 78,1 % респондентов. Вместе с тем, в сфере «конституционных притязаний»²⁸ демонстрируется ожидание полезности Конституции для решения непосредственной жизненной проблемы. Это особенно проявилось в опросах, проводимых в 2012 гг. и нацеленных на выявление понимания гражданами значения прямого действия Конституции РФ. Из 78

опрошенных студентами респондентов, 22 оказывались в ситуации необходимости отстаивать свои права. Из них 9 (81% тех, кто указывал на проблемы в жилищно-коммунальном хозяйстве) указали на факт использования Конституции в защите своих прав в системе жилищно-коммунального хозяйства в условиях недостаточности отраслевого регулирования в сфере ЖКХ; 4 – при самостоятельной подготовке документов в суд, 3 – при обращении в прокуратуру; остальные пользовались услугами адвоката.

Среди практикующих юристов высказывается мнение, что «конституция государства, будучи его основным источником и превосходя все законы по юридической силе, может не оказывать принципиального влияния на идентичность основной массы населения»²⁹. Однако такое мнение может быть расценено как неверное понимание роли национальной Конституции в судебной защите прав и законных интересов граждан. На этот факт уже не раз обращал внимание Верховный суд Российской Федерации в нескольких редакциях Постановления Пленума ВВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»³⁰. В нем Суд вновь и вновь не только разъясняет основания для непосредственного применения Конституции при разрешении дел, и, указывает на недостаточность использования судами общей юрисдикции принципа прямого действия Конституции, а также дает рекомендации по существенному расширению непосредственного применения Конституции в отношении статей 48 и 51, распространив действие последней на рассмотрение гражданских дел и дел, возникающих из административных правонарушений.

Социологические исследования показывают, что наибольшую восприимчивость в отношении Конституции и права в целом демонстрирует молодежь, переживающая процесс активной социализации, овладевающая знаниями, в том числе, в рамках изучения в школе программы по общественному знанию. Практически 100 % опрошенных в возрасте до 30 лет на вопрос, откуда они знают о Конституции РФ, отвечают, что «из школы». Данные других социологических исследований, в частности, проводимых на юге России в 2000–2005 гг. среди молодых людей в возрасте от 12 до 18 лет, также свидетельствуют, что право и закон молодежь относит к «жизненно важным эталонам идентификации»³¹.

Как уже отмечалось выше, существенным для понимания механизма включения конституционных ценностей в число значимых для формирования личности, представляется учет методологических подходов, прежде всего, классической и неклассической рациональности³² понимания правового, включая конституционное правосознание.

Аксиологическая направленность правосознания в классической рациональности предполагает ценность права как средства достижения желаемого блага, выгоды, удовлетворения интереса, т.е. материальных потребностей субъекта. Механизм формирования правового сознания в этом

случае рассматривается как некая совокупность разумно организованных действий, рассчитанных на такое классическое свойство субъекта права как способность адекватно и рационально воспринимать себя и рационально действовать³³. К сожалению, это далеко не всегда происходит, что с позитивистской точки зрения свидетельствует о низком уровне правового сознания как отдельного субъекта, так и общества в целом. Такой подход акцентирует внимание на абстрактно-формальном признании *значения* конституционных ценностей, в чем собственно, как было показано выше, мало кто сомневается, однако оставляет без внимания самого субъекта прав и свобод

Аксиологический аспект неклассической рациональности, учитывающей, в частности, антропологическую методологию, предполагающую активное включение субъекта как творца правового³⁴, нацеливает на изучение конституционных ценностей сквозь призму *значимости* этих ценностей для конкретного субъекта, выявляющего и признающего в правах и свободах социальный смысл и индивидуальную ценность заключенных в них правовых идей. Неслучайно, известный российский теоретик прав человека Ф.М. Рудинский писал: «С точки зрения развития личности права человека – это возможности широкого использования и совершенствования своих способностей, талантов. Это – *способ самосовершенствования личности* (выделено мной – Н.И.), возможности развития ее творческого потенциала, которые могут быть использованы как в личных, так и в общественных целях»³⁵.

Такой подход предполагает восприятие конституционных ценностей, прежде всего, прав и свобод, не только и не столько как средства получения материальных благ, но основание блага духовного самосовершенствования социального субъекта, формирования новых сущностных онтологически присущих качеств (развитое правовое мышление, способность к юридическому самоопределению, самопознанию и самореализации посредством права), отчуждение которых нарушает его целостность как в собственном восприятии, так и в восприятии другим субъектом права.

Таким образом, усвоение смысла, идей и ценностных установок Конституции, безусловно, требует известных усилий и со стороны личности, и государства. Конституционная аксиология должна быть неотъемлемой частью образовательных программ, начиная со школы и заканчивая повышением квалификации судей, государственных и муниципальных служащих. Тем самым будет создаваться основа взаимопонимания людей, диалога власти и общества, обеспечения и защиты прав человека, доверяющего государству, поскольку у человека и государства в лице его конституционные ценности.

¹ Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. – М.: Юрист, 2002. – С. 52. Сложному процессу формирования и отбора конституционных ценностей при разработке российской Конституции посвящены исследования его непосредственных участников Ю.М. Батурина, О.Г. Румянцева.

См.: Батурин Ю. Конституционные этюды. – М.: Институт права и публичной политики, 2008.; его же. Конституционные оценки: правовое и нравственное измерения // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 43-49; Румянцев О. Г. Из истории создания Конституции Российской Федерации: о работе Конституционной комиссии (1990–1993 гг.): в 4 ч. // Государство и право. – 2008. – № 9-12. Об истории создания современной российской Конституции писали и другие ее участники, однако они не акцентировали внимание на конституционно-ценностных аспектах.

² Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2011. – С. 25-26.

³ Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97, 99.

⁴ Автономов А. Конституция как ценность. – С. 57.

⁵ Каламкарян Р.А. Взаимодействие России и Европейского Союза: позитив международного правового опыта // Государство и право. – 2010. – № 12. – С. 53-54.

⁶ Конституция 1993 года – правовая легитимация новой России / Зорькин В.Д. // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 16-17.

⁷ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: постановка проблемы в контексте роли Конституционного Суда в утверждении «живого» российского конституционализма // Lex Russica. – 2009. – № 2. – С. 338.

⁸ Там же. – С. 339.

⁹ Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2. – С. 7–14 ; его же. К теории пользования правами и свободами человека // Государство и право. – 2004. – № 6. – С. 14-23; его же. Теория конституционного правопользования. – М.: Норма, 2007.

¹⁰ Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. – С. 21.

¹¹ Крусс В.И. Конституционное правопонимание и злоупотребление правом // Вестник РГГУ. Серия «Юридические науки». – 2011. – № 8. (70) / 11. – С. 16. Идея о том, что Конституция РФ «утверждает принципиально иной тип правопонимания, базирующийся на идеологии естественных и неотчуждаемых прав человека», получает развитие не только в связи с разработкой концепции конституционного правопользования, но и поиском новых подходов оценки правового регулирования в целом. См., например: Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. – 2009. – № 1. – С.212-232.

¹² Варламова Н.В. Указ соч. – С. 215.

¹³ Крусс В.И. Конституционное правопонимание и злоупотребление правом. – С. 16-17.

¹⁴ Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97.

¹⁵ Крусс В.И. Конституционное правопонимание и злоупотребление правом. С. 17.

¹⁶ Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы. – С. 9.

¹⁷ Там же. – С. 10.

¹⁸ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. – С. 92. На латентную неудовлетворенность граждан российской судебной системой обращается внимание в докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / [Электронный ресурс]. – goo.gl/1p54T3

¹⁹ Аврутин Ю. Е. Перспективы развития административного права в контексте конституционной самоидентификации современной России // Журнал российского права. – 2008. – № 5. – С. 44.

²⁰ Резников Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014. – С. 34.

²¹ См.: Там же. – С. 128-131.

²² Изложение авторского подхода см., например: Исаева Н.В. Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа. – М.: Юрлитинформ, 2014.

²³ Богданова Н. А. Идеология Конституции и ее отражение в принципах конституционного строя // Конституция Российской Федерации и развитие законодательства в современный период: материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2003. – Т. 1. – С. 21.

²⁴ Там же.

²⁵ Гаджиев Г.А. Конституция России как правовая основа экономики: правовая модель и современность // Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 84

²⁶ Там же. – С. 85.

²⁷ Опросы проводились в рамках читаемых автором курсов «Российский конституционализм: проблемы теории и практики» и «Проблемы развития конституционного права России» в целях изучения общественного мнения на предмет отношения к Конституции РФ как правовой ценности, а также выработки у студентов навыков сбора и обработки данных, важных для понимания степени эффективности законодательства. Конечно, можно поставить под сомнение репрезентативность выборки и полученные результаты. Тем не менее, они демонстрируют существенные изменения общественного мнения в отношении Конституции в лучшую сторону в сравнении с результатами, полученными в конце 1990-х гг.

²⁸ Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы. – С. 13.

²⁹ Резников Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности. – С. 162.

³⁰ [Электронный ресурс]. – goo.gl/DAacMh

³¹ Чекрыгина Т. А. Исследование специфики идентификации личности в современных социокультурных условиях // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. «Общественные науки». – 2008. – № 3. – С. 116.

³² Подробнее об этом см., например: Алешин Д.А. Неклассическая рациональность как постмодернистская методология юридических исследований // Вопросы правоведения. – 2016. – № 1. – С. 110-129.

³³ Честнов И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Правоведение. – 2009. – № 3. – С. 22-30.

³⁴ Подробнее об этом см.: Честнов И.Л. Постклассическое правописание: монография. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2010.

³⁵ Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Экономические и социальные права человека: современные проблемы теории и практики / под общей ред. Ф.М. Рудинского. – М.: Права человека, 2009. – С. 18.

Колосова Нина Михайловна*,
*главный научный сотрудник отдела конституционного права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Конституции РФ суверенитет РФ распространяется на всю ее территорию. Однако объективные процессы международной интеграции вносят существенные коррективы в теорию суверенитета как конституционной и демократической ценности. Более того, Конституция РФ предусматривает возможность передачи части своих полномочий межгосударственным объединениям в соответствии с международными договорами (ст. 79 Конституции РФ). Не ясно, можно ли говорить в данном случае о возможности ограничения суверенитета или речь идет только о передаче части полномочий. Попробуем ответить на этот вопрос в аспекте исполнения решений Европейского Суда по правам человека.

Проблема государственного суверенитета относится к числу дискуссионных. Основные споры ведутся по вопросу о возможности ограничения государственного суверенитета, с чем не могут согласиться многие ведущие правоведы (Тихомиров Ю.А., Эбзеев Б.С. и др.). В этом направлении можно выделить две острые взаимосвязанные проблемы. Первая состоит в соотно-

* © Колосова Н.М., 2016